

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2022.61-111104

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОППОЗИЦИИ
«ОБРАЗОВАННЫЕ – НЕОБРАЗОВАННЫЕ» В РАССКАЗАХ
НГУЕН ХЮИ ТХИЕПАТ.Н. Филимонова¹

Аннотация. Одной из специфических особенностей художественного мира рассказов Нгуен Хюи Тхиепа (1950–2021) является оппозиция «город – деревня», которая часто смыкается с оппозицией «образованные – необразованные», или «интеллигенты – простые люди». Однако противопоставление людей образованных необразованным имеет ряд особенностей. Так, если в рассказах о современности речь идёт об оппозиции «интеллигенция – простые люди», в исторических рассказах необразованным простым людям противопоставляются конфуцианцы – *ня нё (nhà nho)*, представители образованного сословия в традиционном Вьетнаме. Кроме того, в ряде случаев оппозиция «образованные – необразованные» трансформируется в оппозицию «общественный человек» (*con người xã hội*) – «естественный человек» (*con người tự nhiên*). Это ещё раз подтверждает вывод, что антипатия к образованным – одна из очевидных идейных доминант, составляющих концептуальную основу творчества писателя.

Ключевые слова: современная вьетнамская литература, Нгуен Хюи Тхиеп, город и деревня в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа, оппозиция «образованные – необразованные».

Для цитирования: *Филимонова Т.Н.* О некоторых особенностях оппозиции «образованные – необразованные» в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 67–75.

Дата поступления статьи: 17.02.2022

Дата поступления в переработанном виде: 18.07.2022

Принята к печати: 24.08.2022

Введение

Одной из специфических особенностей художественного мира рассказов Нгуен Хюи Тхиепа (1950–2021), пожалуй, самого яркого вьетнамского писателя последней четверти XX в., является оппозиция «город – деревня», которой посвящена статья автора «Город и деревня в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа» [Филимонова 2018: 184–195]. В ней было отмечено, что указанная оппозиция часто смыкается с оппозицией «образованные – необразованные»,

---

¹ Филимонова Татьяна Николаевна, к. филол. н., доцент, Института стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-7136-3173. E-mail: glasha.48@mail.ru

или «интеллигенты – простые люди». Мысль об оппозиции «образованные – необразованные» в творчестве Нгуен Хюи Тхиепа впервые была высказана автором еще в 1996 г. в статье «О смысле рассказа Нгуен Хюи Тхиепа “Последняя кровинушка”» [Филимонова 1996: 286–294] и, насколько можно судить, в таком ракурсе творчество писателя ранее никем не рассматривалось, по крайней мере, ни в России, ни во Вьетнаме.

Обе оппозиции и их взаимосвязь ярко выражены в таких рассказах Нгуен Хюи Тхиепа, написанных в конце прошлого века, как «Деревенские уроки» («*Những bài học nông thôn*»), «Воспоминания о родных полях» («*Thương nhớ đồng quê*»), «Речная нимфа» («*Con gái thủy thần*»), «Без короля» («*Không có vua*»), «Генерал на пенсии» («*Tướng về hưu*»). Причём город писатель явно недолюбливает, а деревне искренне симпатизирует. То же самое можно сказать и об образованных и необразованных: писатель испытывает антипатию к образованным и симпатию к необразованным, поскольку первые у него изображены испорченными, лицемерными, корыстными, а вторые – простыми, искренними, человечными. В подтверждение этому можно привести ещё примеры. В рассказе «Лесорубы» («*Những người thợ xẻ*») главный герой Нгок, от имени которого ведется повествование, – студент пединститута. Провалившись на выпускных экзаменах из-за несчастной любви, он вынужден ждать год до следующих экзаменов. По приглашению своего двоюродного брата Бьонга, сидевшего за кражу и после тюрьмы продолжившего зарабатывать на жизнь мошенническим путём, он едет в горы рубить лес.

История этой поездки составляет сюжет рассказа. Вначале Нгок даёт себе такую характеристику: «У меня много братьев и сестер, мои родители произвели на свет целых девять детей. Все мои братья и сёстры работают на земле и исключительно порядочные люди, один только я пошел не в родню» [Nguyễn Huy Thiệp 2003: 136]². Имеется в виду, что он поехал в город учиться в институте. И это не только самооценка героя, так к нему относятся и окружающие: отец не очень хорошего мнения о сыне, и Бьонг то и дело упрекает его за принадлежность к интеллигентскому сословию, называя «подонком-интеллигентишкой». Для него интеллигент – подлец, обманщик.

В рассказе «Косить траву, пасти буйволов» («*Chăn trâu cắt cỏ*») главный герой, 18-летний деревенский юноша Нанг, полностью принимает своё существование, простую, хоть и тяжёлую, жизнь в деревне. Когда мать спрашивает его, не собирается ли он в этом году ехать в город поступать в институт, он отвечает: «Брось, мама. Я боюсь учиться. Да и не хочу с вами расставаться» [Там же: 539]. Это «боюсь» может быть истолковано как то, что Нанг инстинктивно боится оставить деревню, уехать в город, где, получив высшее образование, одновременно потеряет то душевное равновесие, то «буддийское» спокойствие, с которым живёт. А когда мать говорит Нангу: «Иди в жизнь, набирайся ума-разума!», в разговор вступает отец: «К чёрту этот ум-разум! Пусть он лучше будет крестьянином. Оставь его в покое» [Там же]. Отношение к образованию проявляется в этом рассказе и в речах еще одного героя – учителя Хоя. В разговоре с настоятелем местного храма он замечает, что если бы был на месте Нанга, то не стал бы читать книг и газет, так как «всё это дурман». А зайдя в дом к Нангу, чтобы немного передохнуть, правда, будучи слегка нетрезвым, он заявляет, что, разговаривая с настоятелем, содрогнулся от мысли, что уже много лет «преподаёт детям

² Все цитаты из произведений Нгуен Хюи Тхиепа даются в переводе Т.Н. Филимоновой. – *Примеч. редакции.*

одну чепуху», за что наверняка попадёт в ад, и поэтому со следующего дня бросает учительствовать и возвращается к крестьянскому труду.

В рассказе «На переправе» («Sang song») Нгуен Хюи Тхиеп доводит противопоставление образованных необразованным до крайности. Героев этого рассказа: буддийского монаха, поэта, учителя, двух торговцев антиквариатом, женщину с ребенком, пару влюблённых и, как можно понять, вора и разбойника – сводит вместе переправа через реку. Действие рассказа развивается на пароме во время этой переправы с одного берега на другой. Торговцы антиквариатом везут дорогую старинную китайскую вазу, скорее всего, краденую. Пока интеллигентные пассажиры – поэт, учитель и буддийский монах – ведут глубокомысленные разговоры о литературе, буддизме, истории, маленький мальчик из любопытства засовывает руку в горло вазы, и она там застревает. Торговцы начинают угрожать матери и даже грозят отрезать ребенку руку, но тут на фоне общей растерянности и страха к вазе подходит разбойник и нунчаками разбивает вазу со словами: «Да ладно вам. Дети – наше будущее! И к тому же во всяком деле самое главное – доброта!» [Там же: 248]. Все присутствующие облегчённо вздыхают. Но получается, что в критической ситуации на решительный поступок, благородный и опасный, оказался способен, казалось бы, самый последний человек – вор и разбойник. Именно он одерживает нравственную победу над спутниками-интеллигентами. Рассказ кончается тем, что монах, тоже оказавшийся беспомощным и бесполезным, шепчет про себя буддийское заклинание: «*Gate gate! Para gate! Para para san gate*» [Там же: 251].

Нгуен Хюи Тхиеп не даёт расшифровки заклинания, но это цитата из мантры, которая в «Сутре сердца», одной из самых известных сутр буддизма махаяны, звучит из уст бодхисатвы Авалокитешвары. Он однажды во время глубокой медитации «избавился от всех страданий, перейдя на другой берег», то есть в нирвану [Торчинов 2000]. Можно предположить, что ключ к пониманию рассказа именно в ней. Полностью мантра звучит как «*Gate gate, парagate, парасамgate, бодхи, сваха*». В книге проповеднических работ известного буддийского наставника, вьетнамца Няг Ханя «Обретение мира» мантра с английского языка переводится следующим образом: «Перейти, перейти, перейти до конца, всем перейти на другой берег, просветление, сваха!» [Тхить Няг Хань 1993: 265]³. Иными словами, это призыв добиться просветлённости. Но в то же время мантра может быть истолкована и как призыв преодолеть себя в нравственном смысле, стать лучше, совершеннее. В данном случае «нравственную реку» перешёл только вор и грабитель, совершивший доброе дело, а образованные оказались на это не способны, включая и буддийского монаха, который, кстати, и сам это понял.

Особенности оппозиции «образованные – необразованные»

При всей очевидности противопоставления образованных необразованным в рассказах писателя нельзя не увидеть и некоторых отличий от оппозиции «город – деревня». Противопоставление образованных необразованным встречается не только в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа о современности, но и в рассказах о прошлом. Однако в них оно трансформируется, поскольку если в рассказах о современности речь идет об оппозиции

³ В переводе сутры, сделанном Е.А. Торчиновым с китайского, это значит: «О, переводящая за пределы, переводящая за пределы, уводящая за пределы пределов, уводящая за пределы пределов беспредельного к пробуждению, славься!».

«интеллигенция – простые люди», в исторических рассказах необразованным простым людям противопоставляются конфуцианцы – *ня нё (nhà nho)*, представители образованного сословия в традиционном Вьетнаме.

Как известно, в традиционном Вьетнаме, то есть практически до начала XX в., именно они представляли основную массу образованных людей. Образование для них заключалось в овладении китайской грамотой и конфуцианскими канонами, после чего, успешно пройдя одну из трёх ступеней конкурсных экзаменов, они могли претендовать на чиновничью карьеру. Иными словами, образованные становились управленцами по всей вертикали феодальной власти, а это в свою очередь гарантировало им не только более высокий социальный статус, несравнимый с необразованными, но и безбедное существование в зависимости от того места, которое они занимали. Таким образом, в средневековом Вьетнаме образование служило трамплином, благодаря которому человек даже из низов мог подняться сколь угодно высоко.

Это очень хорошо иллюстрирует эпизод из рассказа «Последняя кровинушка» («*Giọt máu*»), действие которого разворачивается в XIX – первой половине XX в. Между отцом мальчика, простым крестьянином по имени За, который хочет отдать сына в учение, и известным учителем происходит следующий разговор. Учитель спрашивает, для чего отец хочет, чтобы его сын получил образование. Тот говорит:

– Мне кажется, в образовании есть что-то от истины. Вот поэтому я и хочу, чтобы мой сын учился у Вас.

– Но есть много разных видов образования: для того, чтобы служить и зарабатывать на жизнь; для того, чтобы самосовершенствоваться; для того, чтобы спрятаться от жизни, бежать от дел. А есть и такое, чтобы породить смуту.

– Я понял. Ведь я мясник. Это все равно как у мяса есть филей, есть голова, есть жирная часть, есть грудинка. Но все одно – это мясо.

– Верно. Но какое же образование Вы хотите для Вашего сына?

– Я думаю, что грудинка – самая подходящая, многие её покупают, она никогда не залёживается. Нет ли образования сродни ей? Вот тому и учите моего сына.

– Я понял. Значит, чтобы служить.

За хлопнул в ладоши.

– Именно [Nguyễn Huy Thiệp 2003: 369–370].

Когда мальчик выучивается, успешно сдаёт конкурсные экзамены и получает назначение на должность правителя богатого уезда, он начинает жить по правилу, которое преподал его учитель: «Служба – ремесло для добывания денег, не брать взятки – глупо!» [Там же: 372]. Вспомним, что в рассказе «Деревенские уроки» о деревне конца XX в., то есть с интервалом в почти 100 лет, образованная городская мать главного героя говорит: «С образованием легче жить, сынок» [Там же: 170].

Принадлежность к образованным, к конфуцианцам предполагала и своеобразный, более того, достаточно жёсткий «кодекс чести», которому формально нельзя было не соответствовать. Идеальный конфуцианец, так называемый благородный муж (кит. *цзюнь цзы*, вьет. *quân tử*) должен был обладать определёнными достоинствами, такими как гуманность, чувство долга и т.п.

Поскольку в конфуцианстве путь к совершенству, к идеалу, к тому, чтобы стать «благородным мужем», лежал как раз через учёность, обращает на себя внимание то, что в

рассказе «Золото и огонь» («Vàng lửa»), посвящённом истории Вьетнама на рубеже XVIII–XIX вв., французский авантюрист Перье пишет об императоре Зя Лонге (1762–1820), с правления которого началось фактическое покорение Вьетнама французами: «Он не верил, что учёность может усовершенствовать нацию» [Там же: 214]. Наибольшую неприязнь вызывают у императора Зя Лонга именно образованные. В рассказе «Острый меч» («Kiếm sắc») он говорит своему подданному: «Я ненавижу только учёное сословие, но ты ведь вояка, чего тебе бояться. Вот те – гниль, навозные черви, хитрые, изворотливые словоблуды, но я их не боюсь. Все они вырожденцы, ничтожества» [Там же: 204].

Трёхчастный рассказ «Тень Суан Хыонг» («Chút thoáng Xuân Hương») связан с одной из самых известных поэтесс Вьетнама – Хо Суан Хыонг, которая жила в конце XVIII – начале XIX в., и о её жизни фактически мало что известно. В «Истории первой» главный герой, муж поэтессы, начальник тонга (административной единицы в старом Вьетнаме) по прозвищу Жаба, – подлинное историческое лицо. Ему посвящено одно из дошедших до наших дней стихотворений поэтессы «Оплакиваю начальника округа Жабу» [Хо Суан Хыонг 1968: 48]. Нгуен Хюи Тхиеп описывает его так: «У него никогда не было изысканных манер. Что и говорить, он от природы был груб, неуклюж и невзрачен. По-своему смешон, но и по-своему благороден. В жизни начальник терпеть не мог чистюль. Он их просто не выносил. Он предпочитал мощный натиск подлинной, реальной жизни.

Он знал, что мало образован <...> Больше всего он боялся этих учёных мужей-конфуцианцев, всяких там чиновничьих сынков да писак-неумех. Они своими нравственными принципами завлекали его в ловушку добропорядочности, ослабляя присущую ему холодную рассудочность» [Nguyễn Huy Thiệp 2003: 408].

Таким образом, и тут присутствует тема «образованных» – «учёных мужей-конфуцианцев, всяких там чиновничьих сынков да писак-неумех», которые, по мнению начальника тонга, только прикрываются высокими словами о морали, добре, порядочности, а на самом деле далеки от этого. Сам же начальник тонга при всех своих недостатках проявляет истинное человеколюбие и доброту, пожалев деревенскую гулящую женщину, которая «вынуждена содержать старых родителей, не имея даже клочка земли, чтобы палку воткнуть» [Nguyễn Huy Thiệp 2003: 411].

Утверждение нравственного превосходства необразованных над образованными – основная идея упомянутого выше рассказа Нгуен Хюи Тхиепа «Последняя кровинушка»⁴. Этот рассказ посвящён истории одной вьетнамской семьи на протяжении приблизительно 100 лет. Героями его являются старшие представители четырёх поколений семьи по мужской линии: Фам Нгок Лиен, Фам Нгок За, Фам Нгок Тиеу и Фам Нгок Фонг. Рассказ начинается с жизнеописания Фам Нгок Лиена, покинувшего этот мир 24 декабря 1840 г., а заканчивается смертью Фам Нгок Фонга 13 марта 1940 г. После смерти Фонга остается только второй, а не первый, по традиционным вьетнамским представлениям особенно ценимый, сын – та самая «последняя кровинушка» рода Фам.

В начале рассказа приводится эпизод из жизни Фам Нгок Лиена, послуживший завязкой сюжета, или, образно говоря, «вопросом», на который сам рассказ является «ответом».

⁴ Подробнее о рассказе см.: [Филимонова 1996].

«В первой половине прошлого века в местечке Ной уезда Тылием жил зажиточный крестьянин Фам Нгок Лиен. И решил он построить себе дом в самом начале деревни на ровном участке земли размером в 3 *шао* и 2 *тхыока*. Однажды проходивший мимо человек заметил:

– Красивое место, в форме пера, предполагает склонность к учению и занятиям литературой. Стало быть, воды немного, растения будут сохнуть, да и сыновей будет мало.

Услышав это, Лиен схватил прохожего за рукав и сказал:

– Я хоть от рождения простой землепашец, хочу, чтобы дети мои или внуки были хоть чуть-чуть образованными людьми и выбились в люди. Мало детей – не беда, лишь бы они были людьми хорошими, чтобы все их уважали.

– Разве образованностью будешь сыт? – спросил прохожий.

– Нет.

– Так зачем же она, образованность, нужна?

– Всё равно, быть образованным лучше, чем землю пахать.

– А что, образованный значит непременно хороший?

– Конечно.

Тут прохожий опять рассмеялся, ни на какие вопросы отвечать больше не стал, взмахнул полой одежды и удалился. Лиен рассердился и сказал: «Сумасшедший!» [Nguyễn Huy Thiệp 2003: 365–366].

Ключевой вопрос рассказа вложен в уста прохожего: «А что, образованный значит непременно хороший?», при этом «хороший» в оригинале выражено словом «нравственный (*có đức*)». Иными словами, вопрос можно переформулировать так: насколько образованность предполагает нравственность?

Анализ содержания рассказа показывает, что как раз с желания Фам Нгок Лиена, чтобы кто-нибудь из его сыновей получил образование и выбился в люди, и начинается история моральной деградации семьи. По рассказу, сам он, необразованный крестьянин, и его старший сын За, тоже необразованный, вполне нравственные и не обделённые Небом люди, что выражается, в частности, в том, что у них есть сыновья – продолжатели рода. Нравственное вырождение начинается с сына За – Тиеу и продолжается до последних лет жизни Фонга. Оба они, каждый по-своему и в соответствии со своим временем, получают образование и через него реализуют себя в жизни: отец после обучения китайской грамоте и сдачи конфуцианских экзаменов поступает на государственную службу, греша, как грешили многие представители служилого сословия в традиционном Вьетнаме; сын, получив новое колониальное образование, занимается журналистикой и одновременно контрабандой, греша уже как представитель нового Вьетнама колониального периода. Таким образом, получается, что с образования в роду Фам начинается путь к безнравственности, приведшей к в некотором смысле его концу.

Если вернуться к многозначительному эпизоду в начале рассказа, то становится очевидным ответ автора рассказа на вопрос о соотношении образованности и нравственности: образованность не только не предполагает нравственности, но даже наоборот.

Интересное развитие противопоставление образованных необразованным получает и в историко-литературном рассказе «Урок вьетнамского языка» («Bài học tiếng Việt»). Речь в нём идёт об одном вечере и ночи из жизни известного вьетнамского писателя первой половины XX в. Ву Чонг Фунга (1912–1939). Действие рассказа начинается, когда писатель отправляется из пригорода в центр Ханоя, куда его пригласил друг на приём по случаю новоселья, а

кончается на следующее утро, когда Ву Чонг Фунг возвращается домой и садится писать новый рассказ под названием «Урок вьетнамского языка». Событийный ряд рассказа очень прост: поездка в трамвае, сам приём, где герой знакомится с гостями, разговаривает с женой друга и её сестрой, и посещение опиумокурильни по дороге с приёма домой. Поэтому в основном рассказ состоит из размышлений Ву Чонг Фунга и различных разговоров. Причём и разговоры героев, и размышления писателя крутятся вокруг нескольких тем: роль литературы и смысл писательского труда, место писателя во вьетнамском обществе, вьетнамский язык, женщины и душа, но в тоже время и понятия «честность» (*luong thiện*), «естественный человек» (*con người tự nhiên*) и «общественный человек» (*con người xã hội*).

Как следует из рассказа, в начале своего писательского пути Ву Чонг Фунг искал в литературе именно честность: «В то время он был чистым и наивным юнцом. Он думал, что в литературе сокрыта честность или ещё что-то высокое, неземное, способное помочь человеку. Он приходил в восторг от красоты слов, красоты вьетнамского языка, множество звуков переполняло его душу, они были – когда ясные, когда невнятные, но всегда чистые и честные» [Nguyễn Huy Thiệp 2003: 698].

Но что для него значит быть честным? Это сосредоточиваться не на внешнем, а на внутреннем: «Мы слишком большое внимание уделяем внешнему, предпочитая скорее говорить о человеке общественном, чем естественном. Мы “воспитанные”, “искушённые в жизни”, выросшие на фальшивой морали, мы старательно закрываем глаза на то, что естественный человек самый искренний, самый порядочный, правда, в то же время самый упрямый и непокорный» [Там же: 692].

Однако естественного человека, если следовать за размышлениями Ву, пытается подавить общество, подавить «моральными установками, семейными ограничениями, различными правилами и обязанностями», но все они лишь показывают «бессилие воспитания перед звериной сущностью естественного человека. Естественный человек от природы вне морали, он свободен» [Там же: 694].

В рассказе именно таким человеком был Ву Чонг Фунг. Вызвав своим поведением на приёме скандал, он объяснил свой неприличный поступок следующими словами: «Я всего лишь хотел сказать, что у природы свои, отличные от наших, резоны» [Там же: 703].

Однако подобные люди чужды так называемому приличному обществу, у них разные, часто несовместимые устремления. Отсюда у Ву Чонг Фунга ощущение непонятности и собственной неуместности на приеме. Причём противопоставление писателя среде идёт по двум направлениям: он и хозяин дома; он и гости. С хозяином дома Хоангом Ву знаком со школьных лет, и, хотя пути их впоследствии разошлись, они продолжают оставаться друзьями. Хоанг, от природы не лишённый ума, учился во Франции, выгодно женился, разбогател, правда, по слухам благодаря контрабанде наркотиками и оружием, одним словом, преуспел. Сравнивая себя и друга, Ву отмечает, что тот всегда был более общительным, более светским, так сказать, умел следовать «правилам игры», и спрашивает себя: «Так он сильнее или грязнее меня?» [Там же: 695]. Когда гости – высокопоставленные чиновники, богачи, именитые деятели искусства – выражают своё притворное восхищение писателю, представленному им как вьетнамский Виктор Гюго, и говорят, что «по сравнению с нами ваша профессия намного благороднее» [Там же: 700], он чувствует себя оскорблённым, выставленным на посмешище, потому что в этом пустом обществе другие интересы, другие ценности, например, цены на золото, строительство нового особняка, учёба за границей и т.д.

И он размышляет: «Все эти люди деятельны, полны энтузиазма, активны до суетливости... Они крутятся, не зная устали... Жизнь – борьба... Жизнь – сцена... Ты в ней или молот или наковальня <...> Или они правы? А я ошибаюсь?» [Там же: 700].

Понятия «естественного человека», то есть неиспорченного воспитанием и образованием, искреннего и честного от природы, и «общественного человека», воспитанного «цивилизованным» обществом и встроеного в него, занимают определённое место в творчестве Нгуен Хюи Тхиепа. Например, вот как в небольшом произведении, которое писатель называет романом, «Оценки в обмен на любовь» («Gà tình lấy điễm») о природном, животном начале в человеке и отрицательном воздействии на него правил цивилизации рассуждает главный герой, обычный преподаватель провинциального техникума и по-своему мыслитель До Тхы Конг: «Человек по сути своей – животное и остаётся таковым всегда. Животное от природы очень естественно, оно вне морали, оно тренирует лишь свою интуицию, а не разум. Именно стремление «стать человеком» делает человека несчастным, подталкивает его к коварству и всяческим безрассудствам. Человеческое общество становится всё суровее, вплоть до того, что самые естественные человеческие чувства презираются, охаиваются, отвергаются, безжалостно уничтожаются на корню. А те немногие человеческие существа, кто сохраняет свою природную сущность, считаются чужаками и сумасшедшими. Мы живём в мире, где господствует разум, с сотнями правил, которые нас связывают, определяют наши обязанности и границы прав. Тысячу лет назад люди не знали этих правил, но всё равно жили и умирали, как обычно» [Nguyễn Huy Thiệp 2007: 69].

Размышления писателя о «естественном человеке» и «общественном человеке» есть и в его журнальных и газетных публикациях, написанных в разные годы и собранных в книге «Расставляя сети, ловить птиц» («Giăng lưới bắt chim»). Например, в тексте его выступления на открытии выставки одной художницы под названием «Вернуться к естеству» («Trở lại tự nhiên») читаем: «Нас успокаивает мысль о том, что мы воспитанные и даже слишком воспитанные: семьёй, законами, религией, искусством. <...> Мы настоящие общественные люди. Но где же тогда естественный человек? Его я не вижу. Между тем что значит в искусстве “вернуться к естеству” как не правдивое описание влечения к противоположному полу, радости, усталости или беспокойства и многочисленных трансформаций этих состояний» [Nguyễn Huy Thiệp 2010: 260].

Все это также в определённой степени подтверждает противопоставление Нгуен Хюи Тхиепом образованных необразованным и предпочтение писателем последних. Правда, и здесь есть редкие исключения, например, учитель Чиеу из рассказа «Деревенские уроки» – образованный городской житель из приличной образованной семьи; учитель Ти из рассказа «Жить очень легко» («Sống dễ lắm»), проживший на самом деле полную трудностей жизнь в далёком от цивилизации захолустье; или супружеская пара: муж – врач и жена – учительница из рассказа «Лесорубы». Но дело в том, что эти люди, интеллигенты по социальному положению, уехали из города жить в деревню и тем самым разделяют с простыми деревенскими жителями все тяготы их жизни.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что для Вьетнама как страны, с древности испытавшей сильное влияние конфуцианства, для которого исторически характерен культ образования и образованных, очевидный антиинтеллектуализм как нелюбовь к образованным в рассказах

Нгуен Хюи Тхиепа, утверждение нравственного превосходства необразованных перед образованными поразительны, и это требует своего дальнейшего осмысления в контексте всей вьетнамской литературы.

Нельзя сказать, что подобное отношение к образованным не встречалось до Нгуен Хюи Тхиепа. Высмеивала конфуцианцев в своих стихах вышеупомянутая Хо Суан Хыонг. В известном сатирическом романе Ву Чонг Фунга «Счастливец» («*Số đở*», 1936), посвящённом колониальному Вьетнаму 30-х годов XX в., главный герой, безродный сирота, неуч и пройдоха, оказывается самым нравственным на фоне остальных героев, представителей так называемого приличного общества. Проблема нравственности интеллигенции затрагивается в романе Нгуен Вьет Ха «Время Бога» («*Cơ hội của Chúa*», 1999), посвящённом тем переменам, которые происходили во вьетнамском обществе в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, в начальный период политики обновления. И так далее. Однако вряд ли можно говорить о том, что подобные взгляды составляют концептуальную основу творчества этих авторов. У Нгуен Хюи Тхиепа это именно так: антипатия к образованным – одна из его очевидных идейных доминант.

Список литературы

Торчинов Е.А., пер. Сутра сердца праджня-парамиты // Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 252–267. Цит. по: URL: anthropology.ru/ru/text/klassicheskie-teksty-drevniy-vostok/sutra-serdca-pradzya-paramity (дата обращения: 27.01.2022).

Тхитъ Нят Хань. Обретение мира. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 280 с.

Филимонова Т.Н. Город и деревня в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. III. № 4. С. 184–195.

Филимонова Т.Н. О смысле рассказа Нгуен Хюи Тхиепа «Последняя кровинушка» // Традиционный Вьетнам. Вып. II. М., 1996. С. 286–294.

Хо Суан Хыонг. Стихи. М.: Наука, 1968. 125 с.

Nguyễn Huy Thiệp. Truyện ngắn [Нгуен Хюи Тхиеп. Рассказы]. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ, 2003. 746 tr.

Nguyễn Huy Thiệp. Gạ tình lấy điểm [Нгуен Хюи Тхиеп. Оценки в обмен на любовь]. Hà Nội: Nxb. Hội Nhà văn, 2007. 107 tr.

Nguyễn Huy Thiệp. Giăng lưới bắt chim [Нгуен Хюи Тхиеп. Расставляя сети, ловить птиц]. Hà Nội: Nxb. Thanh niên, 2010. 255 tr.